

Очень часто под имперским мышлением подразумевают стремление к экспансии, желание покорять и подчинять все новые и новые земли. В принципе, это правильная трактовка, однако, она недостаточна. Империя - это не просто грандиозная территория, и даже не просто великое государство, это - особый образ существования, основанный на господстве как таковом. Что же такое господство, взятое как универсальная, можно даже сказать - философская, категория?

Господство - это тотальное, открытое, религиозно оправданное подчинение одних другим. В центре его находится священная особа Императора, опирающегося на сословие аристократов. Именно эта вертикаль обеспечивает самые различные типы подчинения, которые пронизывают всю систему господства. Таких типов много: «пастырь-паства», «мужчина-женщина», «отец-дети», «сильные-слабые», «богатые-бедные», «центр-окраины» и т. д. Все они получают от имперской (императорской) Оси властное обеспечение, становясь обязательными функциями человеческого существования. Имперская, господская доминанта выступала в качестве причины образования величайших империй. Ясно, что тотальное владычество внутри страны не могло не сопровождаться стремлением к владычеству вовне, владычеству над другими территориями. Внутри-национальный империум имел свое продолжение в территориальной экспансии, и внешнее владычество как бы повторяло внутреннее. Потому то почти все средневековые монархии, основанные на аристократизме, сословности и патриархальности, стремились создать собственную великую империю. Не у всех это получалось, еще меньше стран оказались способными утвердить империю надолго, но налицо сам факт - внутреннее господство логически вело к внешнему. В принципе, даже самое маленькое традиционное государство - уже империя, по крайней мере — ее эмбрион, который может появиться на свет, а может сгнуться еще в утробе.

В описанной выше имперской директивности главное отличие традиционного общества от общества современного. Последнее не отменяет вышеуказанные типы, но делает их чем то необязательным и двусмысленным. В современном мире можно подчиняться Творцу, но можно и отрицать его. Можно слушаться отца и мужа, но не возбраняется встать выше родовой патриархальности. Можно подчиняться Центру, но имеется возможность и сохранять от него некую, весьма реальную независимость. Можно (и

даже почетно) быть богатым, но можно и возвеличить бедность. Можно обладать незаурядной физической и духовной силой, но можно воспевать слабость и безволие. Одним словом, из общества удаляется юридически обязательный характер тотального господства и, соответственно, всеобщего подчинения. Конечно некоторые отношения подчинения сохраняют свой обязательный характер, однако, это уже не тотальная система. Более того, тотальной становится суверенность тех, кто раньше должен был подчиняться.

Теперь становится понятным - почему современные западные государства отказались не только от территориальной экспансии, но и от сохранения прежде присоединенных территорий. Как только господство стало чем то необязательным и второстепенным, как только исчез внутренний империум, так сразу же стала ненужной и территориальная, имперская экспансия. Сама экспансия, разумеется, не исчезла, просто она потеряла свой тотальный («юридический») характер. Теперь все свелось к финансово-экономической агрессии капиталов и культур, которая изредка подкрепляется мерами военно-политического воздействия.

Особое положение в этом плане имеет русский империализм. Не секрет, что на протяжении последних двухсот лет для него была характерна некая вялость. Великорусская метрополия все больше и больше наминала колонию, тогда как окраинные колонии стремительно приближались к статусу метрополии. Окраинные элиты начали переигрывать великорусскую, жизненный уровень в инородческих областях стал опережать, по своему росту, жизненный уровень Великой России. Одним из самых тревожных симптомов этой болезни следует считать евразийство, предлагающее нашей нации окончательно раствориться в море инородцев, создав евразийскую империю, предполагающую тюрко-славянский синтез. Такое положение проигрышно - и не только в сравнении с колониальной империей. Мы проигрываем и нынешним западным демократиям. Парадокс, но они зашли дальше нашего по пути материалистической, торгашеской деградации, однако, их державная мощь несравненно выше нашей. Западники повелевают «третьим миром» в то время как мы десять лет никак не можем справиться даже с несчастной Чечней. При этом само имперское сознание русских сохраняется, но уже в каких-то совершенно искаженных формах: евразийстве, совдеповском сентиментализме, русско-белорусском «юнионизме» и т. д.

Нарисованная выше схема позволяет выяснить причины данного заболевания. Несомненно, виной всему ужасающее ослабление господского начала, которое нельзя сравнивать даже с западным демократизмом. На Западе умудрились приспособить аристократизм для навязывания либерально-материалистических ценностей, тамошняя буржуазность имеет внешне изящную оболочку. Американо-европейская цивилизация более утонченна, гибка, интеллектуальна, она опирается на творческий индивидуализм.

Но главное - ей удалось сохранить господское мышление (само собой, в искаженном виде). Западное, особенно американское, общество напористо, энергично, активно. Оно отягощено инфантилизмом, трусостью, комфортизмом, но они уравниваются знаменитой деловой активностью капиталистов. В принципе, сам капитализм имеет одним из своих источников выродившийся аристократизм. Обуржуазившиеся дворяне стали мощнейшей силой, утверждавшей новые, капиталистические отношения в ходе социальных и промышленных революций Нового времени. Ярчайший пример - английские «новые дворяне», согнавшие своих крестьян с земли и сумевшие, при помощи этой радикальной меры, создать в Англии мощную индустриально-капиталистическую цивилизацию. Аристократизм, в ходе капитализации, причудливым образом переплелся с полуплебейской ментальностью купцов и разбогатевших крестьян. В результате возник хамоватый и одновременно утонченный монстр, подмявший под себя весь мир.

В России аристократизм оказался полностью уничтожен коммунистической деспотией. Справедливости ради отметим, что та быстрота, с которой он исчез была обусловлена слабостью самой аристократии. Тяжелый удар по ней был нанесен еще в XIII в. - во время монгольского нашествия. Тогда было вырезано подавляющее большинство русских аристократов. В «Слове о разорении Русской земли» утверждается, что еще в битве на Калке погибли все русские богатыри. Историк В. Кобрин, один из ведущих специалистов по истории русского средневековья, после долгой и кропотливой работы с источниками, составил список нашей знати времен Московской Руси. И в нем, в этом списке, почти отсутствуют имена старых аристократических фамилий существовавших в Руси до-монгольской (за исключением Рюриковичей, Гедиминовичей и некоторых других) - большинство бояр киевского периода были вырезаны степными варварами. В XIII

-
XIV

вв. русская аристократия формируется практически заново - зачастую из представителей низших классов общества, более привыкших повиноваться, чем повелевать. Они то и принесли с собой, «наверх» психологию слуг. Действительно, только бывшие простолюдины могли позволить называть себя «холопами» (пусть даже и Царя), охотно откликаться на уменьшенные имена («Бориску», «Петрушку»), воспринимать как должное физические наказания и проч. Такому холопскому преклонению перед правителями во многом способствовало и тяжелейшее геополитическое положение Руси, разгромленной монголами. Для того, чтобы выжить, сохранить себя в качестве нации, необходимо было пойти на жесточайшую централизацию вокруг государей. Само собой, определенное воздействие на психологию «нового боярства» оказали и варварские, азиатские обычаи Орды.

Я отнюдь не хочу представить Московскую Русь эдаким «римейком» Орды на русский лад и свести к холопству всю ее историю. Московский период не был какой-то там

«черной дырой», он является одной из славнейших страниц нашей великой истории. Несмотря на некоторую свою приниженность, московская аристократия все же сохраняла себя в качестве ведущего, господского сословия, безусловно подчиняющего себе социальные низы. (Не следует забывать о том, что на Западе впали в еще более пагубную крайность, предоставив тамошней аристократии слишком уж много вольностей). И все таки положение русской знати не было вполне нормальным. Очевидно в этой ненормальности и следует видеть главную причину последующей слабости русского национализма, ведь любой национализм (мировоззрение элитарное и иерархическое) формулируется элитой, а с элитарностью у нас дела обстояли, как говорится, «не очень».

В XVIII в. была сделана попытка возвысить аристократию в морально-этическом и эстетическом плане.

Петр Великий пожелал поднять русское дворянство до уровня европейского, используя для этой цели западные образцы, чем вызвал на свою голову проклятия наших почвенников-славянофилов. Они так и не сумели понять, что вестернизация по-петровски была обусловлена слабостью русской национальной мысли и русской национальной элиты. Создать сугубо русский образец модернизации представлялось маловозможным, точнее на него ушли бы многие десятилетия, в течении которых отставание России от Европы могло стать фатальным. Петровское «западничество» — экстренное мобилизационное мероприятие, предполагавшее использовать европейскую технику и европейский стиль в русских национальных интересах. Позже преемники Петра довели это «западничество» до абсурда, однако, сама цель, поставленная великим императором, все-таки была достигнута - Россия совершила индустриальный рывок, создала регулярную армию и флот, вышла к Балтийскому и Черному морям, стала играть одну из главных ролей в европейской (а значит, и мировой) политике.

Сложнее оказалось с «дворянским вопросом». Петру русский аристократизм мыслился как сочетание сословно-государственного тягла и дворянской вольности. На этом основывалась вся его социальная политика. С одной стороны - европейская гордость и второе издание крепостного права (прикреплявшее крестьян не к помещичьей земле, а к личности владельца), с другой — мобилизация всего дворянского сословия на несение обязательной службы. Петровские же преемники сделали крен в сторону вольности, чем значительно отдалили дворянство от государства и монарха. Апогеем такого либерализма стала «Грамота о вольности дворянской», составленная в правление Екатерины II. По ней дворянство освобождалось от обязательной службы, но за ним сохранялись все его льготы. Еще недавно именуемые «петрушками» многие аристократы не выдержали столь резких перепадов. Монарх и

Империя из-рядно потускнели в их глазах, равным образом как и Царь небесный с Его Церковью. Это не означало отка-за от монархии вообще, на республи-канских позициях вплоть до XX в. стояла лишь кучка экзальтирован-ных аристократов типа Пестеля. Про-изошло некое дистанцирование от монархической власти, когда доволь-но влиятельные группы дворян при-шли к мысли о необходимости ее ог-раничения - либо в форме народной и земской монархии (славянофилы), либо посредством введения монар-хии конституционной (западники). Кроме того, очень многие аристокра-ты стали воспринимать монархию как всего лишь наиболее удобную и традиционно устоявшуюся форму го-сударственной власти. Так монархия «перестала» быть чем-то абсолют-ным и в полной мере сакральным.

Казалось бы, подобная суверени-зация дворянства должна была уси-лить его. Однако, «азиатчина» нику-да не исчезла. Изгнанная из сферы официальной, она переместилась в сферу коллективного бессознательно-го. Иного и не могло быть - симпто-мы тяжелой болезни исчезают быстрее, чем излечивается сама бо-лезнь. Перестав холопствовать перед Царем и даже отстранившись от него, весьма значительная часть дво-рян довольно быстро нашла себе но-вого деспота - точнее двух новых деспотов. Западники обрели его в лице либеральной Европы, славяно-филы пошли на поклон русскому простонародью.

И в том, и в другом случае на-блюдалось холопское поклонение тех, кому от роду было написано господ-ствовать, гордо повинуясь лишь Богу и Царю.

Западники, несмотря на искрен-нюю симпатию к либерализму, ко-нечно же, так и не сумели сравнять-ся с предметом своего обожания в деловой и политической активности. А иного и быть не могло. В отличие от американо-европейцев, русские их поклонники не создавали либера-лизм на своей (национальной) почве, но заимствовали чужой опыт, зара-нее ставя себя в подчиненное поло-жение. Они холопствовали перед за-падным либерализмом, а холоп — это не буржуа, это - Хам (и не важ-но - на скольких языках он говорит и сколько научных трудов он напи-сал). Если бы «русский» либерализм действительно был русским (напри-мер, имел бы своей основой положе-ния зрелого старообрядчества с его освящением предпринимательства), то Россия стала бы мощной капита-листической державой, лидирующей на евро-азиатском континенте. Но этого-то как раз и не могло быть -западники выбирали западничество не столько в силу осознанных сим-патий и твердых убеждений, сколько в силу врожденного и не изжитого холопства. Показательно, что россий-ский либерализм начала XX в. ис-пытывал мощнейшее влияние социа-листических доктрин - вестернизи-рованным барам был больше по душе варварский, пролетарский кол-лективизм, предполагающий ради-кальное растворение личности в кол-лективе. Так, второе лицо в либераль-ной партии кадетов князь (!) Д. Ша-ховской проявил себя как убежден-ный сторонник

некоего «соборного социализма». В самой кадетской партии примерно половина руководи-телей симпатизировала социализму. После же «буржуазной» революции 1917 г. (дворянин Ленин характери-зовал ее, как буржуазную по целям, пролетарскую по движушим силам) вихрь социализма захлестнул почти все политические и социальные груп-пировки, в том числе, и большинство либеральных. Даже буржуазные «Биржевые ведомости» допускали определенные антикапиталистичес-кие высказывания, а «Торгово-про-мышленный союз» активно использо-вал в своей пропаганде революцион-но-пролетарскую символику. Либе-ральнойнейший Временный комитет Го-сударственной Думы вообще создал некий «Союз эволюционного социа-лизма», главную роль в котором иг-рал философ Н. Лосский, поклонник западной философии интуитивизма. Стоит ли удивляться, что на выборах в Учредительное собрание сторонни-ки самых разных версий социализма (большевики, эсеры левые и правые, меньшевики) получили 80% голосов. То есть различие налицо - западный либерализм возник в результате со-единения аристократизма и буржуаз-ности, наш появился на свет в каче-стве смеси из буржуазности и пле-бейства. И в этой смеси привкус ин-дивидуализма чувствуется лишь еле-еле.

Трагедией для России было то, что западническая группировка дво-рян контролировала большую часть российского правительства. Именно из ее среды вышли Витте и Столы-пин, своими либеральными реформа-ми приблизившие пролетарскую ре-волюци ю в России.*

А что же «славянофилы»? О, здесь пролетарщиной воняло не ме-нее (а порой и более) сильно! Кру-жок московских почвенников, функ-ционирующий в XIX в. сделал все для того, чтобы исказить и дискредити-ровать национально-консервативную идею. Славянофилы договорились до того, что власть монарха имеет своим источником «волю народа» и тем самым низвели монархию до уровня демократической республики. Эти «охамевшие» русские баре категори-чески отрицали сословность и арис-тократизм, рисуя в своем интелли-гентском воображении эдакое народ-но-мужицкое царство. Само кресть-янство было охарактеризовано ими как некое последнее вместилище русских национальных идеалов - элите предлагалось идти в народ и учиться у него уму-разуму. Не уди-вительно, что подобное плебейство сказалось и на приверженности сла-вянофилов собственно русскости, ко-торую они так искренне и громко воспевали. Национальная идея глубо-ко аристократична по сути своей, для нее характерно стремление гос-подствовать и покорять. Там же, где национализм сочетается с пролетарщиной, происходит инфицирование первого вирусом холопского низко-поклонства, капитулянтства - в отно-шении внутренних и внешних сил. Этот вирус подцепили и славянофи-лы. Так, во время Крымской войны они заняли пораженческую позицию, надеясь на то, что победа англо-французской коалиции заставит пра-вительство пойти на чаемые ими на-ционал-демократические реформы. Вот, пожалуйста, почитайте - пишет не какой-нибудь герцен-огарев, а славянофил-патриот

Кошелев, друг знаменитого «русолоба» Хомякова: «Высадка союзников в Крыму в 1854 г., последовавшие затем сражения при Альме и Инкермане и обложение Севастополя, нас не слишком огорчили, ибо мы были убеждены, что даже поражение России сноснее для нее и полезнее того положения, в котором она находилась последнее время». Тут славянофилы встают уже рядом со своими оппонентами из кружка «западников». Впрочем, с оппонентами ли? Сами славянофилы довольно метко сравнивали два вроде бы враждебных направления с дву-ликим Янусом - единым по сути. Один из столпов славянофильства Киреевский даже издавал журнал «Европеец». Как говорится, без комментариев!

Свое дело «мавр» сделал и ядовитые семена славянофильщины дали обильные всходы в сознании русских националистов. Так или иначе «национал-мужицким» уклоном страдали все русские правые. Даже такой убежденный реакционер, как Леонтьев что-то там писал о необходимости учиться у народа.

Черносотенное движение начала XX в. сумело во многом преодолеть холопский «национализм» славяно-филов - отвратительное хамство, разбуженное т. н. «первой русской революцией», стало хорошим уроком. Идеологи черной сотни как могли отстаивали сословность и аристократизм, при этом предлагая (в духе революционного консерватизма, соединяющего традицию и модернизацию) проведение активной социальной политики в отношении народных низов. Но, к сожалению, большинство дореволюционных монархистов попало под влияние прозападного либерализма. Основные политические группировки правых («Объединенное дворянство», «марковский» Союз русского народа, Союз Михаила Архангела и др.) с восторгом поддержали буржуазно-западнические реформы Столыпина и смирились с думским парламентаризмом. Иными словами - «из огня, да в полымя». Избежавшие либерализации черносотенцы («дубровинский» Союз русского народа, Союз русских людей и проч.) весьма часто срывались на демофильский фальцет, раздражаясь длинными тирадами о «великом и могучем христолюбивом русском крестьянстве», которому надобно дать Земской собор. Через несколько лет «народбогоносец» будет скидывать кресты с церквей, вспарывать помещикам животы и сыпать туда пшеницу - тогда выяснится, что христолюбие народа (кстати говоря, действительное и искреннее) зависело от традиционной элиты. Лишившись ее господства русский простолудин моментально впал в дикость.

У славянофилов, надо сказать, были гораздо более способные ученики - народники. Эти борцы «за землю и волю, за лучшую долю» творчески развили славянофильство до т. н. «русского социализма». Воспевание мужицкой общинной самобытности вылилось у них в требование демократической и социалистической республики, понимаемой как переходная ступень к анархической коммуне. При этом народники также баловались

(именно баловались, другого слова и не придумаете) панславизмом и вполне благожелательно относились к идее Земского собора. Не-которые, как например Бакунин, одно время признавали возможность мужицкой «монархии». Также, как и славянофилы, народники с пеной у рта обличали крупную индустрию, всячески возвеличивая отсталые, аграрные формы хозяйственной организации. В этом, между прочим, отчетливо прослеживается то же самое плебейство, которое очень часто выражается в ненависти к любой по-настоящему деловой активности. Многие недоуменно спросят: «Но как же так, ведь народники — левые?» Правильно, вот только не факт, что славянофилы - правые.

В начале XX в. славянофильство и западничество объединились в большевизме, доведшим их до абсурда. Ленин, в котором проявилась вся феноменология российской пролетарщины, сумел создать самый дичайший синтез этих идеологий на общей для них плебейско-демократической основе. С одной стороны большевизм представлял собой типичное западничество, ибо переносил на русскую почву европейский марксизм с его предельным эгалитаризмом. С другой стороны, самому Западу большевики объявили нечто вроде «священной войны», оградив «святую» красную Русь «железным занавесом» от разного рода буржуазных «латинян». Иными словами, ленинизм навязывал России западные ценности в условиях перманентного противостояния Западу. Эта специфика и привела к возникновению совершенно нежизнеспособного гибрида - советской цивилизации, которая была подобна лысенковскому яблочку, выросшему на сосне. До сих пор многие патриоты пытаются доказать, что советизм был лучше либерализма - дескать было там больше героики, самоотверженности, социальной справедливости. Очень может быть. Да что там, именно так и обстоит дело! Есть только одно НО. Отличаясь от Запада в лучшую (в моральном плане) сторону, советский гибрид был менее жизнеспособен, так как соединял несоединимые ценности. На Западе либерализм поглотил в себе старые ценности, взяв из традиционного общества не-сколько полезных для него «технологий», у нас же скрестили ужа с ежом.

В результате Россию обрекли на заведомый проигрыш в соревновании с западной цивилизацией. Но главное не в этом. Главное в том, что, объединившись друг с другом, западничество и славянофильство придали мощный импульс дальнейшей пролетаризации России, которая пошла стремительным ходом. Отдельно ни западничество, ни славянофильство не победили бы - торжеству первого мешало архаично-патриархальное мышление, успеху второго, напротив, препятствовал уже сформировавшийся, хотя и недостаточно, буржуазно-капиталистический уклад. Большевики счастливо примирили западников и антизападников в одной «красной Евразии». И началось. В верхние эшелоны устремились сотни тысяч представителей «освобожденных» социальных низов, чей менталитет и размыл русское имперское сознание, превратив его в нынешнюю тряпку для вытирания ног. [1] Считалось, да и считается, что простонародье в советское время поставило тысячи и тысячи

талантливых людей, которые прежде не имели возможности получить образование и пробиться на-верх. Обычно приводят в пример «рабоче-крестьянских» ученых, резко двинувших вперед отечественную науку, придя в нее от станка и сохи. Опять-таки, верно - научный скачок был огромен, Но... Наряду с «рабоче-крестьянскими» учеными действовали и «рабоче-крестьянские» правители, которые распылили огромную часть нашего научно-промышленного потенциала по инородческим окраинам и на халяву разным арабо-негритянским борцам. Именно в советское время холопское преклонение перед инородцами достигло своего апогея. Великороссия стала донором для «угнетавшихся царизмом» окраин, на которых русские стали строить заводы и библиотеки, переплачивая в общесоюзный бюджет огромные деньги. Все это проистекало из слабости господского самосознания, без коего невозможна империя, без коего | даже очень сильное государство превращается в богадельню для разного рода меньшинств. Из той же постыдной для русского человека слабости проистекло и космических масштабов облагодетельствование «третьего мира» и его «мужественных борцов с империализмом» — черненьких и желтеньких «братьев». Естественно, любая мировая держава обязана иметь своих сателлитов и свою «пятую колонну» во всем мире, однако, она вовсе не обязана заваливать их разнообразной халявой. А что получалось? Мы производили треть всех вооружений в мире, но большую его часть поставляли бесплатно, отнимая кусок изо рта русских детей. Как же, «забота наша такая» — чтобы хорошо питался какой-нибудь малолетний анголец или эфиоп! Все это торжественно называлось «пролетарским интернационализмом», однако, лучше всего назвать такое непотребство обычным, пролетарским холопством, стремлением жить не для себя и своих близких, не ради своей страны, а для чужих. Стремлением быть в услужении у господина, под которым в данном случае понималось «прогрессивное человечество». И потому не надо изумляться сегодняшнему низкопозлону перед Западом вчерашних совковых бюрократов - они прошли великолепную школу холопства в «старые добрые» времена.

Наше холопское заигрывание с «братьями по социалистическому разуму» дало один, весьма характерный, сопутствующий эффект. Официальная пропаганда настолько воспела «национально-освободительную борьбу угнетенных народов», что во многом низвела русское сознание до уровня зимбабвийско-палестинского. Русские привыкли сопереживать угнетенным, а сильное сопереживание всегда приводит к более или менее сильному отождествлению с его объектом. «Бедные индусы, арабы, негры, индейцы, давайте их пожалеем!» И вот сегодня «Арафат - вождь русского народа» (газета «Завтра»), «Долой оккупационный режим!» и «Да здравствует русское национально-освободительное движение!» Нашим «национал-освобожденцам» и невдомек, что никто нас не оккупировал и никто не навязал России свою волю. Мы сами выбрали нынешний бардак, поддавшись слабым сторонам собственной натуры (внешний враг помог нам в этом, не более). Главный наш враг - внутри нас, это наше безволие и наше холопство. Признать это довольно трудно, легче спихивать все на «оккупацию», «заговор», «международную интригу», в крайнем случае - на «предателей». И лишь сильная, волевая натура находит мужество предъявить претензии к себе, для этого нужно быть господином - хотя бы и себе самому. Слабый же

человек спихивает все на внешнюю силу, признавая тем самым свою зависимость от внешних факторов, расписываясь в наличии холопского мировоззрения. Мы думаем прежде всего о том, как освободиться от «западного ига», а ведь мыслить нужно несколько по иному - мы должны пробудить внутри себя имперское, господское самосознание и только после этого Россия освободится от влияния западного капитализма. Но сочувствуя палестинцам, курдам и прочим «братцам-арафатцам» господское чувство не пробудить - господин всегда (пусть и эстетически только) на стороне т. н. «угнетателей», он сам - «угнетатель».

Десятилетия плебейско-коммунистической пропаганды перепахали русское национальное сознание, нанеся ему ужасную травму. В русскую ментальность впихнули столько слабого, ветхого, безвольного, что оно сегодня находится в некоем оцепенении, позволяющем всем, кому не лень, вытирать ноги о нашу нацию. А каких еще результатов мы ожидали? Совдеп и готовил холопов. Давайте вспомним с каким пиететом красные «антизападники» говорили о марксах и гегелях, ставя разнообразные европы в центр мироздания. Вспомним - как делали эталон из той же Америки, помешавшись на идее «догнать и перегнать» (типичный образчик совкового «антизападничества» — ненавидеть не-навидим, но равняться будем). А как преклонялись, уже в позднесовковый период, перед заезжими иностранцами, как предоставляли им все самое лучшее в «березках», ресторанах, гостиницах? «У-у, проклятые империалисты» — бубнили совки в адрес абстрактной Америки и... лизали все места у конкретных американцев. Идеалом провозгласили «простых людей» (действующих или бывших «рабоче-крестьян»), забывая о том, что простой он и есть простой,

его легко подчинить и поработить. (На этой ниве изрядно потрудились как официальные певцы «рабочего класса и колхозного крестьянства», так и неофициальные, «в легкую» диссидентствующие, «деревенщики», загадившие русскую литературу своим «самобытным» навозом). Еще и сегодня почетно звучит деревенское звание «мужик», под которым понимается настоящий мужчина. Чуть ли не герой. А ведь словечко то это означает маленький, по значению, мужчина - ударение здесь нужно ставить на первый слог - мужик. Так в старой Руси именовали простолудинов, а лучших, «вятших», знатных людей звали

мужами.

«Настоящий мужик» — показательный символизм. Ну, и что могли противопоставить мужики агрессивному, хитрому и коварному Западу? Деда Щукаря или Афоню из одноименного фильма?

[\[2\]](#)

Совдеповская колесница проехала по всем народам СССР, но в полной мере ее евразийскую тяжесть ощутили на себе русские. И сейчас мы пресмыкаемся не только перед Западом, как все эсенгешники, но и перед мафиозно-бюрократическими

«элитами» инородцев - оказа-лось, что основной вал репрессий и гонений пришелся на русских, ино-родцам милостиво позволили сохра-нить кое-что. Собственно, инородцы воспринимали советизм не совсем серьезно, нас же угораздило вля-паться в это дерьмо по самые уши. «Помогла» славянофильская состав-ляющая большевизма.

Ныне мы имеем «пролетарский капитализм» новорусских хамов. Ка-питализм, основанный не на деловой сметке и высокоэффективной орга-низации, а на блате, спекуляции и торговле сырьем. И другого капита-лизма в России быть не может - с его строительством мы опоздали лет на семьсот. Да и не нужен он нам. России необходимо

повое средневе-ковье, вооруженное новейшими тан-ками, ракетами и компьютерами. Ей как, как воздух, нужен

аристокра-тизм,

ведь только господское, барс-кое

самоощущение

способно поднять и заставить всех русских ощутить себя волевой и сильной нацией, при-званной

повелевать.

Именно всех, ведь даже самый последний просто-людин в традиционном обществе рассматривает себя как господина по отношению к внешним силам. Внутренняя иерархия подразумевает внешнюю, она и слугу превращает во властелина.

Сегодня жизненно необходимо решительно отбросить демофильское барахло (все эти национал- социализ-ме!, либерал-патриотизмы, народные монархизмы и проч.) и собрать все боеспособные, волевые силы русской нации воедино. Нужно создать про-образ грядущей русской аристокра-тии. Если хотите, нужен

малый па-род,

т

олько не космополитический, а сугубо национальный, способный

от-кровеппо

управлять народом боль-шим. Естественно, речь не идет о бывших дворянах, они исчерпали себя. Теперь пришло время новых избранников Божиих, которые вооб-ще

стоят вне

пыпенших

социальных слоев, даже если и принадлежат к ним формально. Именно их горячая Кровь даст начало новой аристокра-тии. Главное - наличие имперского мышления, откровенного и бескомп-ромиссного, бесконечно далекого от любого народничества и от любой буржуазности. Мы прошли великий путь от реки Калки, мы уже почти познали себя - наподобие гегелевс-кого Духа. Нам предстоит только сделать вывод. Последний вывод.

* Чего стоит одна аграрная реформа? Крестьяне, покинувшие общину попали в совершенно новые для них условия хозяйственного существования. 50% из них разорилось и вынуждено было продавать земли. Большинство разорившихся подалось в города. Там, озлобленные и обескураженные, они стали легкой добычей леворадикалов.

** В отличии от Совдепа, буржуазно-капиталистический Запад продвигал представителей социальных низов очень и очень осторожно.

*** При всем сказанном о советизме, я вовсе не желаю сводить весь советский период к сплошному холопству. Героическая суть русской нации часто прорывалась через пролетарский морок коммунизма, что наиболее ярко видно на примере Великой отечественной войны.